

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

АНРИ БЕРГСОН И «ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ»

Идеи великого французского философа А. Бергсона оказали большое влияние на мировую философию и культуру, но в силу исторических причин оказались недостаточно усвоенными в России. Необходимость внимательного изучения и решения поставленных им задач обосновывает автор, продолжая их разработку.

Ключевые слова: творческая эволюция, инстинкт, интеллект, жизнь, свобода, смех, иррациональность, интуиция, мистика, сознание, духовная субстанция

Великий французский философ Анри Бергсон родился 18 октября 1859 года в Париже в семье композитора и музыканта, профессора и директора консерватории, выходца из Польши. В семье было семеро детей – четыре сына и три дочери. Он получил классическое образование в лицее Кондорсе, затем окончил высшую школу Эколь Нормаль. В молодости испытал влияние позитивизма Эмиля Дюркгейма. После вуза получил назначение учителем в лицей г. Анжера, затем получил кафедру философии в лицее Блеза Паскаля в Клермон-Ферране. Пять лет, проведенных в провинции, позволили ему написать две диссертации: «Непосредственные данные сознания» и «Идея места у Аристотеля». В связи с последней он увлекся решением апорий Зенона Элейского, которые и подтолкнули его к разработке концепции длительности.

С 1888 года он перебрался в Париж и читал лекции в лицеях, затем в Эколь Нормаль и Коллеж де Франс. В последнем вузе он становится профессором в 1900 году Благодаря его выдающимся ораторским способностям и обаянию

интеллекта лекции Бергсона приобрели огромную популярность. Лекционный опыт оказал влияние на формирование стиля его письменных работ, выполненных в жанре философских эссе, а не академических философских трудов. Каждая его книга становилась событием: «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889), «Материя и память» (1896), «Введение в метафизику» (1903). Но главным его трудом стала «Творческая эволюция», вышедшая в 1907 году и принесшая ему известность не только во Франции, но и за ее пределами. В 1919 году вышел сборник его статей под названием «Духовная энергия», где он высказал важные мысли о сущности духовной субстанции. Вскоре его избрали президентом Академии моральных и политических наук и членом Французской Академии наук. В 1927 году он получил Нобелевскую премию по литературе (впервые философ был награжден такой премией, позднее такой же чести удостоится А. Камю и Ж. П. Сартр за литературное творчество).

В последней книге «Два источника морали и религии» (1932) он поставил важные пробле-

мы и задачи по исследованию духовной субстанции на основе мистического опыта, которые надлежит решать нам, его последователям. Он умер 4 января 1941 года, простоявши в очереди, которую ему пришлось выстоять для регистрации в немецкой комендатуре.

Бергсон явился одним из наиболее выдающихся мыслителей школы «философии жизни». Ему принадлежит ряд оригинальных концепций о сущности времени как длительности, свободы и творчества.

В своих трудах Бергсон продолжил осмысление идей, предложенных романтиками, Б. Паскалем, Ж. Руссо, Д. Беркли, французскими спиритуалистами и мистиками. Предшественниками Бергсона в изучении времени были А. Августин и С. Кьеркегор (правда, французский философ на них не ссылался). Особенно близкими по духу были для него основатели «философии жизни» Ф. Ницше и В. Дильтея, хотя он не хотел, чтобы его причисляли к какой-либо школе. Его философское учение охватывает разные дисциплины: онтологию, гносеологию, психологию, этику и теологию. Он оказал немалое влияние на мировую культуру XX века, в частности на философскую антропологию (прагматизм, экзистенциализм, персонализм), философию истории (А. Тойнби и К. Поппера), психологию (Ж. Пиаже), литературу (М. Пруста и Д. Джойса), искусство (сюрреализм С. Дали). Его идеи эволюции оказали большое влияние на А. Леруа и П. Тейяра де Шардена. Можно сказать, что, с одной стороны, в течение XX века происходила постоянная «борьба» философского рационализма с провозглашенными Бергсоном идеями, а с другой – неопозитивизм пытался рациональными методами постигать иррациональное, вопреки указаниям французского мыслителя, что такое постижение неплодотворно.

Важнейшие идеи философии Анри Бергсона:

- эволюция живой природы на основе борьбы и взаимодействия двух форм жизни: инстинкта и интеллекта;
- время как длительность, а не протяженность;
- свобода как актуализация и опровержение детерминизма;
- бытие как жизненный порыв и творчество;
- интуиция как переживание жизни;
- смех как снятие автоматизма и механицизма;
- обоснование иррациональной методологии и гуманитарного знания;
- проблема духовной энергии;
- сознание как поток и воспоминание (память);
- психолого-мистическое обоснование этики и религии.

Приступая к своей книге «Творческая эволюция», Бергсон поясняет существоство своей гипотезы: «наш ум, в узком смысле слова, имеет целью обеспечить нашему телу его пребывание в среде, представить отношения внешних вещей между

собой, наконец, постигнуть материю мыслью» [1]. Но если интеллект обслуживает животную жизнь тела, то как быть тогда с человеческой, духовной жизнью? Одной из важнейших его заслуг является вывод и вопрос: «наша мысль, в своей чисто логической форме, не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволюционного движения. Жизнь создала ее в определенных обстоятельствах для воздействия на определенные предметы; мысль только проявление, один из видов жизни, – как же может она охватить жизнь?» [2] Догадываясь, что разум нельзя понимать только как рационально-логическое явление, он подчеркнул: «Напрасно мы стараемся вместить живое существо в те или другие рамки. Все они распадаются, ибо все они слишком узки, а главное, недостаточно гибки для этого» [3]. Вот поэтому нужно найти другой метод для постижения жизни, и он предполагает целью своей работы «указать метод и наметить возможность его применения в нескольких существенных пунктах» [4]. Вот эти-то методологические идеи Бергсона и представляют для нас главный интерес.

План его работы определяется этой целью: «В первой главе мы приложим к эволюционному прогрессу те две формы, которыми пользуется наш ум: механическую причинность и целесообразность (*finalité*); мы покажем, что они обе не пригодны, но что одну из них можно исправить, и в этом виде она могла бы годиться лучше другой. Чтобы подняться над точкой зрения разума, мы постараемся восстановить во второй главе великие пути, пройденные жизнью рядом с эволюцией, которая вела к человеческому уму. Раз ум отнесен, таким образом, к производящей его причине, нам остается тогда понять ее самое и проследить ее движение. Попытка такого рода, очень не полная, сделана в третьей главе. Четвертая и последняя глава имеет показать, каким образом наш разум, подчиняясь известной дисциплине, может создать философию, выходящую за его пределы. Для этого необходим краткий обзор истории систем, а также анализ двух больших заблуждений, которым подвержен человеческий ум в рассуждениях о действительности вообще» [5]. Здесь имеются в виду следующие идеи: во-первых, большинство полагает, что можно мыслить об изменениях при посредстве неизмененного и о движении при посредстве неподвижного; во-вторых, Бергсона не интересуют «вещи-в-себе», как сказал бы И. Кант, а только «вещи-для-нас».

1. ЭВОЛЮЦИЯ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ НА ОСНОВЕ БОРЬБЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ФОРМ ЖИЗНИ: ИНСТИНКТА И ИНТЕЛЛЕКТА

В развитии живой природы Анри Бергсон обнаружил два направления, обладающие специфическими особенностями: первое опирается в своем развитии на инстинкт, второе – на ин-

теллект. Это было замечено и до Бергсона, но обычно трактовалось следующим образом: животное развивается в русле инстинкта, а человек – на основе интеллекта. На самом деле это не совсем верно. У животного, конечно, доминирует инстинкт, но есть зачатки интеллекта. У человека, напротив, есть инстинкты, но доминирующую роль играет интеллект. При этом возникает соблазн, которому многие ученые легко поддаются, объявили интеллект главным для человека и на этом основании выделили специфический характер человека и его принципиальное отличие от животного, затем абсолютизировать интеллект и доверять только ему. Так обычно поступают рационалистически мыслящие философы, потому что забывают, что у человека есть тело, являющееся существом животным. Но в этом теле обитает человек, существо которого есть, как заметил еще Платон, – дух и душа.

В отличие от рационалистов, Бергсон рассуждал иначе, полагая, что инстинкты играют очень важную роль в жизни человека, а у интеллекта при всех его достоинствах есть свои недостатки и пределы возможностей. Инстинкты проявляются в разных формах, среди которых особенно важна интуиция. Она играет особенно большую роль в сфере творчества, процесс которого происходит большей частью за пределами рационального «дневного» сознания.

Затем Анри Бергсон обнаружил и исследовал две формы знания: интеллектуальную и интуитивную. Это не две фазы, высшая и низшая, а две параллельные, взаимодополняющие стороны освоения мира, опирающиеся на деятельность левого и правого полушарий головного мозга. Анализ является функцией интеллекта (левого полушария), а синтез – интуиции (правого полушария). Размышляя о характере интеллектуальной деятельности, Бергсон приходит к выводу о том, что мысль в логической форме не способна постичь природу жизни, глубочайший смысл эволюционного развития.

Бергсон справедливо указывал на общую ошибку философов-рационалистов, полагавших, что назначение интеллекта – познание, отображение мира таким, каков он есть. Он полагал, что интеллект рационален, механистичен и подчинен интересам практической деятельности. Интеллект не созерцает, а выбирает и ограничивает, он одевает «шоры», которые сужают пространство восприятия и внимания только на том, что необходимо для практики. «Сознание освещает зону возможностей, окружающих действие» [6]. Мозг действует как защитный фильтр, защищающий сознание от множества стимулов, поступающих по рецепторным каналам. Он перечисляет следующие характеристики рационального интеллекта: 1) он есть «способность изготавливать неорганические, т. е. искусственные орудия»; 2) «существенная функция интел-

лекта и состоит в отыскании средств при любых обстоятельствах найти выход»; 3) «текущие элементы действительности ускользают от интеллекта»; 4) «интеллект ясно представляет себе только отдельное»; 5) «интеллект ясно представляет себе только неподвижность»; 6) «интеллект характеризуется неограниченной способностью разлагать вещи по любому закону и соединять их в любые системы»; 7) «все элементарные силы интеллекта стремятся превратить материю в орудие действия»; 8) «он отвергает творчество»; 9) «интеллект характеризуется природным непониманием жизни» [7].

Бергсон указал на то, что много ошибок возникает из-за того, что проблемы формулируются интеллектом неправильно, и тогда они становятся псевдопроблемами. Если же обнаружить новую проблему и сформулировать правильно, то решение проблемы становится лишь делом техники и логики.

2. ВРЕМЯ КАК ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, А НЕ ПРОТЯЖЕННОСТЬ

Концепция длительности впервые была изложена в его диссертации «Непосредственные данные сознания», которую он защитил в 1889 году.

Исследуя апории Зенона Элейского, он пришел к проблеме переживания длительности, которую рассматривал в контексте характера интенсивности переживаний, тогда как обычно длительность отождествляют с протяженностью, движение – с пространством.

В понятии «длительность» (фр. *durée*) Бергсон подчеркивал единство целостности и незавершенности, может быть правильнее перевести *durée* как «дление». По словам Бергсона, грехопадение Адама – это «падение души во время» [8].

Длительность он описывал с помощью такой метафоры: «Представим... себе... бесконечно малую резину, сжатую, если бы это было возможно, в математическую точку. Будем вытягивать ее постепенно таким образом, чтобы из точки заставить выходить линию, которая будет все удлиняться. Сосредоточим наше внимание не на линии, как линии, но на действии, которое ее чертит. Будем считать, что действие, вопреки его длительности, неделимо, если предположить, что оно выполняется безостановочно; что если в него входит остановка, то из него делается два действия вместо одного, и каждое из этих действий будет таким неделимым, о котором мы говорим; что делимыми являются не само движущееся действие, но неподвижная линия, которую оно отлагает под собою, как след в пространстве. Освободимся наконец от пространства, стягивающего движение, чтобы считаться только с самим движением, с актом напряжения или протяжения, словом, с чистой подвижностью. На этот раз у нас будет более верный образ развития “я” в длительность» [9].

Бергсон сравнивал «чистую длительность» с мелодией, которую «слушают с закрытыми глазами, не думая ни о чем другом. Их отличие: у мелодии – очень много качественной определенности. Если же сгладить различие между звуками и затем уничтожить относительные признаки самого звука и удерживать из мелодии только продолжение предшествующего в последующем и непрерывный переход, множественность без делимости и последовательность без разделаемости – это приблизительный образ *durée*» [10].

Хотя Бергсон настаивал на интуитивном постижении времени, он допускал возможность понятийного определения. Мы понимаем время как иррациональный феномен и предлагаем три дефиниции, раскрывающие существо времени в разных отношениях: 1) непространственный континуум, в котором события происходят в необратимой последовательности и развиваются от прошлого – через настоящее – к будущему; 2) форма упорядоченности энергии, выражающая отношение духовной субстанции к материальной; 3) модус (свойство) длительности, присущий «тварному» (созденному), конечному миру, обусловленному причинами, ибо не имеющее причины бесконечно и вневременно. Время дискретное – это прерывное время события, историческое время. Время континуальное – непрерывное время или вечность. Время мифологическое – представление о циклическо-круговой, повторяющейся закономерности событий. С психологической точки зрения, пустое, не заполненное деятельностью время течет медленнее, а время занятое течет быстрее.

Рационалисты сводят понимание времени в русло однозначной причинной связи. При этом теоретически допускается возможность наличия многих причин, но во всех случаях стараются обнаружить главную причину и отбросить неглавные. Однако современная синергетика показывает, что в сложных процессах главное и неглавное могут меняться местами, и если было отброшено «неглавное», то результатом будет не ожидаемый результат, а «разбитое корыто». Рационализм стремится представить исторический процесс как однозначный и одномерный. В лучшем случае он изображается как противоречивое напряжение двух тенденций, одна из которых считается прогрессивной, а вторая – регressiveвой (консервативной, реакционной). Но почему нужно считать одну – главной? Достаточно ли этого? И почему рационалист стремится к такой одномерности? На то есть, как минимум, три причины: во-первых, физиология нервных связей в организме человека приучает к однозначности (невозможно прохождение двух сигналов по нервному каналу одновременно); во-вторых, практический опыт склоняет к однозначности выбора в ситуациях опасности – или гибель, или спасение; в-третьих, естественнонаучное познание сформировало критерии научно-

сти и среди них важнейший – рациональная однозначность как критерий истинности и эффективности. Думается, что пора пересмотреть эту позицию и найти другие, более плодотворные подходы к решению проблем гуманитарных наук. Как писал Н. А. Бердяев, «рационального начала нет без иррационального» [11]. У времени можно обнаружить следующие характеристики: внепространственность, внепричинность, необратимость, одномерность времени (многомерность вечности), упорядоченность, длительность, изменчивость, континуальность и дискретность.

3. СВОБОДА КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ И ОПРОВЕРЖДЕНИЕ ДЕТЕРМИНИЗМА

Рационалисты полагают, что мы не можем одновременно утверждать и отрицать одну и ту же вещь. Однако этот субъективный эмпирический закон имеет отношение не к логической необходимости, а только к нашей неспособности сделать это.

Как полагал Аристотель, закон противоречия является наиболее важным из всех логических законов. От него зависит любая аксиома. Но если мы внимательно присмотримся к реальной действительности, то везде увидим противоречия, без которых жизнь невозможна. Так почему же мы подчиняемся диктату логического закона? Такой же вопрос Бергсон ставит относительно свободы: «...Всякая попытка осветить проблему свободы приводит к следующему вопросу: “можно ли время адекватно изображать посредством пространства?” На этот вопрос мы отвечаем: “да, если речь идет о протекшем времени, нет, если мы говорим о протекающем времени”. Но свободный акт совершается в протекающем, а не в протекшем уже времени» [12]. Привычная для нас абсолютизация принципа детерминизма, введенного в науку Ламарком, базируется на стереотипе господства левополушарного мышления, рассматривающего (анализирующего) пространственно и последовательно расположенные объекты. «Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижность» [13]. А таким путем мы движение осмыслить не можем, это хорошо показал еще древний философ Зенон Элейский. Но возникает вопрос: почему ученый всегда стремится изучать явление с одной точки зрения в каждый момент времени, ведь у него два глаза, а не один? почему нельзя смотреть на объект с двух или трех точек зрения? Два глаза смотрят на объект, но сознание считает это одним взглядом, обнаруживающим три измерения пространства. Односторонний взгляд на объект привычен для рационалистической и естественнонаучной методологии, гуманитарные науки нуждаются в методах, способных видеть объект одновременно с нескольких сторон, «увидеть его целиком, хотя бы на одно мгновение» [14]. Только так можно осмыслить проблему свободы, которую нужно изучать

в противоречивых измерениях: потенциальной и актуальной свободы, произвола и ответственности, свободы и воли, объективной и субъективной, отрицательной и положительной, материальной и духовной, воспроизводящей исполнительности и творческой самореализации.

4. БЫТИЕ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПОРЫВ И ТВОРЧЕСТВО

В осмыслиении «жизненного порыва» Бергсон опирался на три идеи: 1) наука не может объяснить и понять жизнь, опираясь только на физико-химические подходы; 2) в развитии жизни нет случайности; 3) эволюция жизни идет не на основании принципа экономии, а по пути все большего усложнения [15]. «Жизнь — это известное усилие для получения некоторых вещей из грубой материи, а инстинкт и ум, взятые в завершенном состоянии, являются двумя средствами использования с этой целью орудия: в первом случае орудие составляет часть живого существа, в другом — это неорганический инструмент, который надо было изобрести, изготовить, научиться применять» [16].

Бергсон критиковал «ложный эволюционизм Спенсера, состоящий в том, чтобы наличную реальность, находящуюся на известной ступени эволюции, разделить на кусочки, также прошедшие эволюцию, затем воссоздать ее из этих частей и таким образом принять заранее все то, что требует объяснения...». Бергсон полагал, что исследовать существо эволюции нужно на основе другой методологии. «...Жизненный порыв, о котором мы говорим, — писал он, — состоит в потребности творчества. Его творчество не абсолютно, так как он встречает на своем пути материю, т. е. движение, обратное его движению. Но он овладевает этой материей, которая есть сама необходимость, и стремится внести в нее возможно большую сумму неопределенности и свободы» [17].

Творчество представляет собой сложный процесс порождения нового, опирающийся на:

- энергию (новизна тесно связана с энергетическим потенциалом: творчество требует затрат энергии, при этом происходит ее перераспределение и накопление);
- информацию (новизна имеет информационный смысл, творчество открывает новые информационные горизонты и возможности);
- время (новое является новым в процессе времени; мы узнаем то, чего не знали раньше; однако мы можем нечто забыть, утратить);
- духовность (творчество связано с получением информации от духовной субстанции, которая доверяет ее не всякому, но лишь достойному).

Таким образом, можно указать на следующие функции творчества:

- освоение, или переорганизация, переустройство мира в духе созидания усложняющейся упорядоченности мира;
- разрушение старых традиций и норм;

- созидание новых традиций и норм;
- самореализация и самоутверждение в рамках смысла жизни и культуры;
- внесение разнообразия и жизни в мир скуки и однообразия (функция «киматоида»).

В отличие от разрушительной деятельности, творчество есть такой способ самореализации, который имманентно, органически присущ по природе человеку как носителю эктропийного, созидающего божественного начала. Прикоснувшись к творчеству и попробовав сам творить, человек начинает лучше понимать и ценить чужое творчество. В процессе освоения мира и культуротворчества человек создает усложняющийся порядок. По словам Н. А. Бердяева, «творчество есть благодатная энергия, делающая свободную волю свободной от страха, от закона, от рефлексии и раздвоения» [18]. В творчестве человек преодолевает свою ограниченность и прикасается к бесконечности, объективируя в продукте творчества вечное становление божественного порядка.

5. ИНТУИЦИЯ КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ ЖИЗНИ

Бергсон выделял два метода познания мира: первый — стремится постигать мир извне, и здесь важны точка зрения и символы, выражающие результаты познания; второй — пытается постигать вещи изнутри, целостно, стремясь к абсолютному постижению сущности вещей [19]. В первом случае изучается вещь в ее отношениях с другими вещами, и такие отношения можно обнаруживать до бесконечности. Во втором случае возможно постижение сущности вещей. Такое постижение возможно на основе *интуиции*, тогда как все остальное открывается в анализе: «Интуицией называется род *интеллектуальной симпатии*, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого» [20]. «Анализировать, — по словам Бергсона, — значит выражать какую-нибудь вещь в функции того, что не является самою этой вещью» [21]. Такой анализ крутится вокруг вещи, без конца дополняя ее видение все новыми и новыми точками зрения и интерпретациями. Анализ изучает большей частью формальную структуру объекта, но в меньшей мере содержательную сторону.

Именно интуиции должна принадлежать, по мнению Бергсона, ведущая роль в изучении жизни. Функция анализа принадлежит правому полушарию головного мозга. Образно говоря, при этом мы вытаскиваем на «лабораторный стол внимания» изучаемый объект, препарируем его и анализируем. Но в этом случае мы изучаем уже не живой объект, а только его «труп». Живую жизнь можно исследовать лишь на основе интуиции. Или другой пример: если мы хотим увидеть, что происходит в движущемся объекте, но останавливать его не имеет смысла, так как

в остановленном процессе все прекращается, нужно двигаться параллельно изучаемому движущемуся объекту – тогда мы сможем изучать это движение как процесс. Именно такие методы следует применять для исследования таких явлений, как время, свобода, творчество, которые особенно интересовали Бергсона. Однако здесь привычные рациональные методы не очень плодотворны, нужно разрабатывать особую иррациональную методологию. Такую задачу Бергсон поставил перед философией и начал ее решать в своей концепции интуиции. «Интуиция и интеллект представляют собой два противоположных направления работы сознания. Интуиция идет в направлении самой жизни, интеллект же в прямо противоположном, и потому вполне естественно, что он оказывается подчиненным движению материи» [22]. Чтобы раскрыть существо и единство духовной жизни, полагал Бергсон, надо погрузиться в интуицию и перейти от нее к интеллекту [23]. Он полагал необходимым осмысливать длительность во взаимосвязи единства и множественности.

6. СМЕХ КАК СНЯТИЕ АВТОМАТИЗМА И МЕХАНИЗМА

Как отметил Бергсон, комическое, во-первых, является сугубо человеческим свойством, вот почему человека нередко определяют как «животное, умеющее смеяться». Во-вторых, он обратил внимание на некоторое «равнодушие», или «нечувствительность», при комическом отношении. Если проявлять сочувствие к объекту смеха, то чувство комического пропадает. Бергсон называл это «кратковременной анестезией сердца» [24]. В-третьих, комическое требует коммуникативного контакта, смеющийся нуждается в отклике, ищет, чтобы кто-то разделил это чувство и настроение. Более того, смех заразителен. Чем больше зрителей в театральном зале, тем громче раздается смех [25].

Пытаясь понять социальную функцию смеха, он обратил внимание на то, что смех вызывает не слишком большой недостаток, или порок, приходящий извне. Жизнь требует от человека «напряженности» и «эластичности», гибкости, умения быстро приспосабливаться к меняющимся условиям. Напротив, косность, рассеянность, автоматизм, неумение быстро адаптироваться к условиям жизни вызывает смех. Смехом наказывается отклонение от социальной нормы, но особенно не нравится Бергсону механистичность. Причину смеха он видел в «механическом», которое наложено на живое [26].

Далее, он обращает внимание на различие комического и остроумия. В остроумии он заметил «способность мыслить драматически» [27]. «Под остроумием мы будем подразумевать известную способность набрасывать мимоходом комические сценки, но набрасывать так ловко, легко и быстро, чтобы все уже было кончено,

когда мы начнем только замечать происходящее» [28]. Остроумие создает комический эффект тогда, когда происходит игра между прямым смыслом фразы и переносным, инверсия или интерференция двух идей в одной фразе. Остроумие можно определить как неожиданное обнаружение сходства несходного.

Комическое, как полагал Бергсон, не принадлежит полностью ни искусству, ни жизни [29]. Теофиль Готье назвал комизм «логикой нелепости» [30]. Здравый смысл — «постоянно подвижное, непрерывное наше внимание к жизни» [31]. Нелепость противоречит здравому смыслу, и тогда она награждается смехом, как и всякое тщеславие, нечто мелкое, претендующее на величие без достаточных оснований. Смех — амбивалентное оружие культуры: он и отрицает, и утверждает, «здесь, как и всюду, природа пользуется злом для блага» [32]. При этом отрицается косное, неестественное, искусственное, автоматическое, механическое, утверждается живое, гибкое, естественное. Правда, отмечал Бергсон, смех не всегда справедлив, ведь опирается он на некоторую долю равнодушия. Если человек споткнулся и упал на улице, то он же ушибся, ему больно. Вот почему смех прекращают свидетели происшедшего, если обнаруживается, что ущерб упавшему нанесен его падением очень большой и нужно проявить сочувствие и оказать помощь.

7. ОБОСНОВАНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В основе методологии Бергсона дихотомические пары категорий: «открытое — закрытое» и «статическое — динамическое» [33]. Кроме того, он подчеркивал, что можно различать два рода величин: «экстенсивные и измеримые величины и интенсивные величины, не допускающие измерения, но о которых, тем не менее, можно утверждать, что они отличаются друг от друга по степени своей интенсивности» [34]. Но этим не устраивается трудность, ведь мы называем их величинами и можем сравнивать одну с другой, видя, что одна из них больше, а другая меньше, обозначая только условными измерителями, а не четкими количественными мерами. При этом экстенсивные величины соотносимы с причинными отношениями, а во втором случае не возникает мысли о причинах, которые вызывают большую или меньшую интенсивность.

Бергсон догадывался, что в восприятии мира участвуют два полушария головного мозга, обладающие своей спецификой: левое полушарие воспринимает пространство и оперирует количественными методами, а правое полушарие воспринимает время и использует качественные методы. В свете этого возникает возможность и потребность различия методологии естествознания, которая использует рационалистические подходы, и методологии гуманитарных

наук, которая опирается на использование иррациональных подходов. Обоснование такого различия было проведено нами ранее [35]. Вслед за этим возникает необходимость более основа-

тельного различия методологических подходов естественных, социальных и гуманитарных наук, которые предпринимаются нами в настоящее время [36]:

Таблица 1

Естественные науки (биология, антропология, физика, химия и др.)	Социальные науки (история, социология, демография, экономика, политология)	Гуманитарные науки (философия, искусствоведение, лингвистика, литературоведение, теология)
Объект – материальная субстанция	Объект – поле социальных отношений	Объект – духовная субстанция
Человек рассматривается как животное	Человек рассматривается как стадное животное	Человек рассматривается как духовное существо
Изучаются анатомия, физиология и расово-антропологические особенности	Изучаются нормы и правила, формы социальной активности	Изучаются духовные смыслы и ценности
Однозначный детерминизм	Многозначная обусловленность	Ценностный телесолизм
Формальная логика	Диалектическая логика	Бинарная дополнительность и многомерность
Объективность	Релятивистская объективность	Субъективная объективность
Методология рационально-аналитическая	Методология структурно-статистическая и динамическая	Методология иррационально-синтезирующая
Количественные подходы (генерализация)	Количественно-качественные подходы	Качественные подходы (индивидуализация)
Практика как критерий истины	Вероятностно-статистическая достоверность	Аксиологическая достоверность

8. ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ

Сознание континуально, а язык дискретен. Вот почему трудно сознанию выразиться в языке. В языке дух и душа спорят, пытаясь что-то сказать друг другу. Сознание обладает временными характеристиками, а язык пространственными. Сознание – эмоционально, иррационально, а слова – рациональны.

Вслед за спиритуалистами Бергсон был уверен, что человек есть дух и духовность и это является сущностной характеристикой именно человека. Одновременно он не отрицал существования физического универсума и материального тела. Духовность Бергсон связывал с творчеством, духовная энергия продуцирует творчество. Возражая Г. Спенсеру, Бергсон подчеркивал, что материальному телу присущи пространственность и вещественность, тогда как дух реализует себя во времени, а с веществом он связан опосредованно. Именно сознание воплощает связь прошлого и будущего посредством настоящего.

В противоположность И. Канту, полагавшему время априорной формой внутреннего созерцания, Бергсон акцент делал на содержательной стороне. По Бергсону, «...в сознании случаются события неразделимые, в пространстве одновременные события различимы, но без последовательности в том смысле, что одно не существует после появления другого. Вне нас есть взаиморасположенность без преемственности, внутри нас есть преемственность без внешней

рядоположенности». Поэтому сознание не подчиняется принципу причинности, ибо сознание неразложимо на дискретные элементы.

Бергсон заявлял: «*Homo sapiens*, единственное существо, наделенное разумом, – это такое единственное существо, которое может ставить свою жизнь в зависимость от глубоко неразумных явлений» [37]. Здесь возникает возражение в адрес переводчика текста: вероятно, вместо слова «неразумных» следовало бы поставить слово «нерациональных», тогда заключение Бергсона будет вполне верным. В таком же виде, как в русском тексте (перевод А. Б. Гофмана), эта фраза вызывает возражения: религиозные идеи нельзя считать неразумными, да и Бергсон едва ли так считал; нерациональными — может быть, но они вполне разумны и целесообразны.

Важная идея Бергсона заключается в том, что сознание не является пространственным феноменом, а «человечество... привыкло считать существующим только то, что оно видит и к чему прикасается» [38]. Правда, еще Аристотель замечал: «...неправильно утверждать, что душа есть пространственная величина» [39], позднее об этом же вскользь упомянул Декарт. Поэтому о теле человека учеными сказано достаточно много, а вот о душе и сознании сказать нечто определенное трудно, поскольку они вне пространства и зрительного восприятия. Говоря точнее, сознание находится вне трех привычных, воспринимаемых глазами измерений того пространства, в котором мы живем. Но вполне вероятно, что сознание располагается в четвертом

или пятом измерениях нашего пространства, которые недоступны нашему зрительному восприятию. Вот если бы у нас имелся третий глаз, тогда, возможно, мы могли бы увидеть это энергетическое облако сознания, которое окутывает тело человека. Приборы помогают увидеть это нашим глазам.

9. СОЗНАНИЕ КАК ПОТОК И ВОСПОМИНАНИЕ

Рассматривая особенности сознания, Бергсон выделяет две его формы: поток и воспоминание. В настоящее время (*Da-Sein*) сознание текуче, движется во времени и плохо поддается исследованию, но в форме воспоминаний оно фиксируется и хранится в нашей памяти. Эти феномены прошлого в некоторой степени могут быть объектами рационального осмысления, хотя лучше исследовать их методами иррациональной интуиции.

Бергсон отвергал идею Спенсера о наследственной передаче приобретаемых признаков, полагая, что все дело в социальных институтах [39]. В то же время он принимает идею О. Конта о неизменности человеческой природы. На самом деле истина находится где-то посередине, по наследству передаются не социальные привычки, а предрасположенность. Так, ребенок, родившийся в семье музыкантов, получает задатки музыканта, которые может развить. И в то же время Бергсон прав, что «древнее состояние души сохраняется, скрытое под слоем привычек, без которых не было бы цивилизации» [40].

Бергсон выделял две формы памяти: память привычки и память-воспоминание. Первое Бергсон считает в немалой степени механическим воспроизведением, хотя и сознательным, а второе – более творческим, позволяющим создавать разные варианты и комбинации. Память является важнейшей основой сознания, она дает материал для сознания, является субстанциальной опорой для связи прошлого и будущего. Без памяти невозможна идентичность человека.

10. ПСИХОЛОГО-МИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭТИКИ И РЕЛИГИИ

Бергсон вводит понятия «закрытого» и «открытого» общества [41]. Первое выходит из «рук природы» как замкнутое в «свой» мир и враждебно относящееся к «чужому» миру. Он полагал, что преобразует первое общество во второе «моральная обязанность», которая постепенно раздвигает рамки «своего» мира, вовлекая в него все большую и большую сферу «чужого», осваивая «чужое». Закрытое общество за счет традиции может длительное время сопротивляться разрушающему действию рационального ума. Такое общество опирается на «статическую», консервативную или традиционную религию. Открытым обществом он называет такое, кото-

рое охватывает все человечество [42]. Религия и мораль касаются и духа, и души. Бергсон полагал, что мораль не опирается на культ разума, в ее основе жизнь, понятая в широком смысле слова. Моральные принципы не формулируются на основе логических выводов, сначала философ интуитивно находит идею, а потом подбирает к ней аргументы и основания.

Мораль может быть выведена из различных принципов, таких как общий интерес, личный интерес, самолюбие, симпатия, сострадание, логическая связность [43]. В. И. Ленин в «Задачах союзов молодежи» полагал, что можно коммунистическую мораль вывести из интересов классовой борьбы. Такой подход приводит нас к принципу «цель оправдывает средства». На самом деле не всякие средства вписываются в поле нравственности: тотальное насилие дискредитирует те благородные цели, которые марксисты выдвигали. Сегодня, с учетом сформировавшегося представления об общечеловеческих ценностях, нельзя абсолютизировать интересы и ценности узкой группы людей, которые действуют, не считаясь с потребностями и стремлениями других.

Важная идея Бергсона: «никогда не существовало общества без религии» [44]. Это положение позднее положит в основу своей концепции цивилизации английский историк А. Тайнби, называвший религию «куколкой цивилизации». Он подразделял религии на два вида: статические (или консервативно-традиционные) и динамические (эволюционирующие). Вторые изменяются под влиянием мистического опыта крупнейших их деятелей. Первым источником религии, как полагает Бергсон, является «защитная реакция природы против разлагающей силы ума» [45]. Как было показано выше, интеллект самоуверенно постигает мир аналитическими методами, «убивая» все живое и изучая «труп» путем препарирования его частей. При этом можно понять материальное строение мира, но не его духовную сущность. Ее можно постичь лишь открывая свою душу миру, позволяя ему прикоснуться к «клавишам» нашего сердца.

Вторым источником религии может считаться мистическая интуиция. Источники «эмпирического оптимизма»: 1) человечество дорожит своей жизнью, поскольку считает ее благом; 2) по ту сторону удовольствия и страдания существует «безоблачная радость», которая представляется собой конечное состояние «мистической души» [46]. Великие мистики прошлого находили контакт с абсолютами духовной субстанции и открывали человечеству основания для оптимистического восприятия мира, опирающегося на переживание единства с вечностью.

Таким образом, философия А. Бергсона создает основания для многомерного, глубокого понимания жизни, открывает перспективы исследования духовной субстанции как важной основы жизни и ее творческой эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б е р г с о н А . Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 8.
2. Там же. С. 8–9.
3. Там же. С. 9.
4. Там же. С. 13.
5. Там же. С. 13–14.
6. Там же. С. 161.
7. Там же. С. 167–183.
8. Б е р г с о н А . Два источника морали и религии. М., 1994. С. 284.
9. Б е р г с о н А . Творческая эволюция. Материя и память. С. 1178–1179.
10. Б е р г с о н А . Материя и память. СПб., 1911. С. 139.
11. Б е р д я е в Н . А . О назначении человека. М., 1993. С. 135.
12. Б е р г с о н А . Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 848–849.
13. Б е р г с о н А . Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 173.
14. Там же. С. 11.
15. См.: Бергсон А. Два источника морали и религии. С. 120–121.
16. Там же. С. 126.
17. Б е р г с о н А . Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 277.
18. Б е р д я е в Н . А . О назначении человека. С. 135.
19. См.: Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 1172.
20. Там же. С. 1175.
21. Там же.
22. Б е р г с о н А . Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 295.
23. Там же. С. 296.
24. Б е р г с о н А . Смех // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 1281.
25. Там же. С. 1282.
26. Там же. С. 1309.
27. Там же. С. 1344.
28. Там же. С. 1345.
29. Там же. С. 1363.
30. Там же. С. 1392.
31. Там же. С. 1394.
32. Там же. С. 1403.
33. См.: Гофман А. Б. Общество, мораль, религия в философии Анри Бергсона // Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 354.
34. Б е р г с о н А . Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 673.
35. См.: Пивоев В. М. Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного знания // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 1999. С. 3–27.
36. См.: Пивоев В. М. Три вида наук // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации: Материалы научно-метод. конференции. Петрозаводск, 2007. Ч. II. С. 62.
37. Б е р г с о н А . Два источника морали и религии С. 109.
38. Там же. С. 345.
39. Аристотель. О душе // Соч.: В 4 т. М.. 1975. Т. 1. С. 382.
40. Бергсон А. Два источника морали и религии. С. 295.
41. Там же. С.298.
42. Там же. С.288.
43. Там же. С. 289.
44. Там же. С. 291–292.
45. Там же. С. 109.
46. Там же. С. 130.
47. Там же. С. 282.